

Алиса Ройдман

Особенно страшно
во время: секса,
смерти, приёма пицци

2024

Alisa Roidmane
Īpaši baigi: sekса, nāves, ēdienreizes laikā
Dzejoļi (krievu valodā)

P 64

Ройдман, Алиса

Особенно страшно во время: секса, смерти, приёма пищи: *Поэтические тексты*. — Ozolnieki: Literature Without Borders, 2024. — 102 стр. — (Paroles; вып. 4).

ISBN 978-9934-9177-5-2

Алиса Ройдман — поэтесса, исследовательница, переводчица. Родилась в 1997 году в городе Иваново. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (2020) и французский университетский колледж при МГУ им. М. В. Ломоносова (2022). Номинирована на премию им. А. Драгомощенко (2021). Входит в кураторский состав просветительской и благотворительной инициативы «Кружок гендерных свобод» и в редакторскую группу онлайн-журнала *Feminist orgy mafia*. Публиковалась в журналах и проектах «Ф-письмо», «Полутона», «Грёза», TextOnly, «Новый мир», «Транслит», ROAR и др. Занимается сравнительными исследованиями полиаморных сообществ в России и во Франции (магистратура EHES, Париж).

Кураторы серии:

Юлия Подлубнова, Нина Александрова

Послесловие:

Лида Юсупова

© Ройдман А., 2024

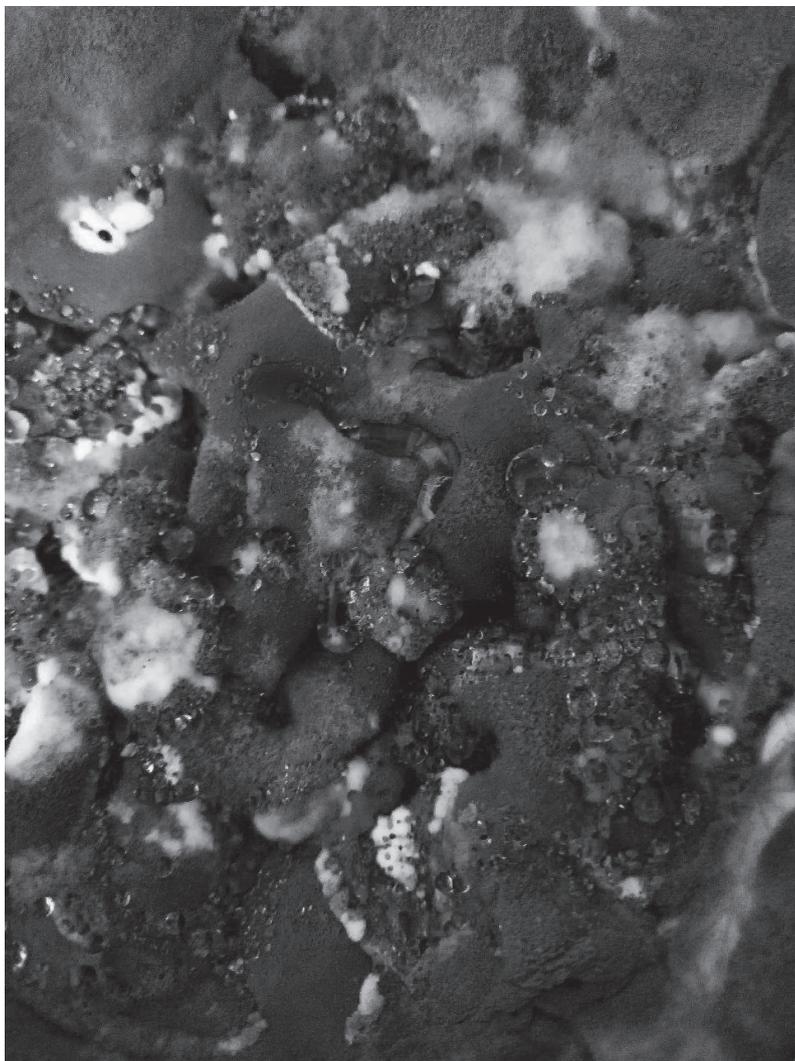
© Юсупова Л., послесловие, 2024

© Paroles, макет, 2024

© Черкасов А., обложка, 2024

ISBN 978-9934-9177-5-2

ЧАСТЬ I

КВИР НАРОДНЫЙ

госизмена, госизмена
берег красный, берег белый
непохожий берег стрёмный
с мягкими телами после прилива
с тёмными делами скользящими по их коже
с серийным номером
и чужим поцелуем на ночь
там
сирена поёт:
«пожалуйста, верните в библиотеки
все неопубликованные книги моих друзей
madame, monsieur
подайте бедным
madame, monsieur
подайте бедным
верните
верните
подайте»

у твоего случайного секса
глаза связаны с руками

раздетое эхо войны

разделанное и счастливое
в каждом акте насилия и его отсутствии

что стало что стало
с нашими туманными то ли томными то ли ничьими вечерами
что стало что стало
с нашими тихими как после безответного митинга голосами
что стало что стало
с нашей пустой от подментованного дыхания тишиной

дыхание встало
под нами, над нами, за нами
когда ты вдыхаешь чужой грех, он становится твоим страхом
и так мы решили, дыхание встало

если издашь хоть звук, оно станет твоим грехом
или ментом
или бльью порастёт

трахни меня так,
чтобы с самой нежной пылинки ни волоска не упало

трахни меня так, чтобы кроме нас и того кто за дверью не спит
никто не заметил
трахни меня так, чтобы ни мне ни ему потом никогда не сниться
чтобы мы сразу забыли лица друг друга
чтобы потом не захотелось резко

отдышаться, задышать, задохнуться, заговорить

деточка экстремисточка
в чёрной шляпе
шла по дороге
трасса такая тёплая
от признаний где-то посередине любви
квир народный
дышал вслед
пламени места жительства
когда
секретик в камере моего телефона
которая пела в пустынном кармане сплошной полосочки
неудачных кадров в сознании
какого-то гада
когда когда всё это закончится
всё это когда когда закончится
это когда закончится
мы наверное трахались
в пустынном кармане мента
по дороге сюда
мы наверное трахались
и наступили на слизь времени
и теперь мы не то что наказаны
но узнаны
какими-то неприкосновенно чужими глазами
какого-то гада отсюда а мы не отсюда

потому что травма рождения
теперь это травма преступницы

я туда не вернусь
потому что мамочка ходит по телу трупа
потому что мамочка ходит по телу трупа
я туда не вернусь

а у кого-то папочка военный преступник
от этого должно неприятно сосать под ложечкой

малень_кая почемучка бросается
в тёмную тёмную пропасть

и с другой стороны раздаётся стук
колёс
по проделанной взглядом в упор темноте
по пятну в уголке комнатки когда гаснет свечка
и остаётся запах противного голоса в детстве шептавшего
секреты
посыпанные украденным сахаром
из бабушкиного шкафа

мамочка чувствует, что я его больше никогда не увижу
но не говорит мне об этом

сахаром из бабушкиного шкафа
украденного из прошлого
где меня не было где я стала преступницей
где меня не было где чей-то папочка стал преступником
где меня не было где написали лесным топором записочку «труп»
закопали в лесу и оставили чтобы я искала сокровища
будто в детстве где меня не было
что-то это что-то большое всегда было вместо меня

цвела речка потом высыхала
цвела речка потом высыхала а по ней плыли дети чужие
все эти дети мне чужие там меня не было
только мой дом на дне этой речки останется навсегда
а мы с тобой никогда-никогда не утонем потому что мы в домике
спи спи никогда не тонущий ты карусель карусель вспоминай
где меня не было оставь в каждой песчинке оставь моё слово
размажь тёмным пятном везде где меня не было
я буду с тобой говорить пока ты спишь
а больше мне нельзя ни с кем говорить

это запрещено
законом военного времени

улица где мы жили не вернулась с войны
и теперь мы видим очень странные сны
нам негде быть и мы видим себя в очень странных снах
мы видим
я
не
соприкасаемое
с письмом
таким как оно есть
на самом дне
с перерывами на смелость в постели
нарастает насильственность связи
между «мной» и «миром»
между «мной» и «миром»
смерть на радиостанции
молчание в области сердечно-сосудистой мифологемы
наши сердца это мифы полные скорби и спермы
томимые горькой тоской мы лежим в социальной сети
мы так несчастны когда пьем молоко из груди телеграма
мы так одиноки делая селфи над пропастью
мы прирождённые буквы но не касаемы экрана
а там всегда где-то рядом твоё лицо
а из экрана льётся вместо воды твоя
сперма
твоя
связь с реальностью
твоя
температура тела
не даёт мне спокойно слушать
шум моря

-ему-детей-учили-вшколе-
-вот-вы-шел-че-ло-век-из-комы-
-ты-ло-вишь-гляд-на-све-то-форе-
раз-два-и-мы-зна-ко-мы

КАННИБАЛИЗМ ПЕРВЫХ СЛОВ

о каком влечении
здесь идёт речь?
видеть — быть виденным
в форме активного действия
при повороте в пассивности
есть три такта:
предметность
ветхость
размывание
который из них достоин
внимания чуждости
своего собственного объекта?
если он в тебе
если он в тебе
что если он в тебе

внутри мифа про инцест
в горле першит
при переходе в другое
племя
это дихотомия
содержимого и содержанного
достаёт иглу
ревнивой горшечницы мира
я слышала
как некто истязал превращение
дробил скелет перехода
подмешивал в миф свой страх
связующий нас

звуковое пространство,
заполненное её речью
ломалось где-то
в точке сближения
или попытке тождества
остроконечного голода с линией горизонта
что говорит?
продолжает желание
что говорит?
исчезает в нём
мы понимаем на самом деле
после чего высказывание гаснет

.

исчезают люди
эффектом этих исчезновений
становится разрыв
во всех эrogenных зонах —
какое-то ничто
во всех эrogenных зонах
появляются облака
опровержение слышно
в их опухающем голосе
когда они падают
мы погружаемся в некость
без возможности быть
к ним сопричастными
и всё же
теперь мы
теперь мы
старые дети
машут на нас головами
как непроизносимость
или
пересечённая местность нечуждого

моё дитя захвачено в звуке
который само издаёт —
после встречи взглядами
с синхронией
в которой теряется страх
но
это было сначала дымом
когда горел голос отца орды
потом ураганом
из ярости органа невинности
потом, поглощая звук
сидит у окна
изобретая смыслы
таким словам
как «каннибализм»

мать вырывает миф из мира ребёнка
окончательно
мы вынуждены ползти
в чистой пустыне без героев
отличных от нас
и законов
которые не пытайся понять
мать извлекла из тебя
тельце
незнания
класть ли
в эту небезопасную зону
обрывки женщины, ставшей луной
и обожжённую
материальность дара
в новом мире множества
плохо очищенных смыслов

СТЫДНО СКАЗАТЬ

*да-да, это —
стыд, пролетающий мимо
и не успевший к своим птенцам*

бормотать

когда
люди летят на юг
когда
мы полетим на юг
дрожащий в твоём отдалении
сметающий страсть на твоём лице
песок за песком по пустым единицам
густым опрокинутым гласным мельниц
ты
— переходами наших лиц от одного к другому —
ты плачешь но
бледно губами окрашенный юг
не смывается кипятком
полуночи, за которой
спрятан другой цвет комнаты
оклеветавшей тело тьмой
спрятавшей от тебя

бормотать

стены
обмазаны очень неточным дождём
и мне осталось произнести
не так много слов
чтобы тебя в них не видеть
опять как когда

всё идёт как обычно всё знает
откуда это обращено
как взгляд во всех состояниях неба
читающий смыслы травы
налипшей на все шаги его,
как дневного кошмар на горе
откуда это отброшено градом
и всплеском взгляда обращено
в густую толпу дождя —
в ней знаки тебя

вдруг вспомнить тебя другого пола

чтобы убивать мух:
сухая полынь,
лаванда
ловушки,
хищное растение,
тебя заманить туда
и смотреть,
моя омертвевшая, плавать —
не против веры ветра восстать —
будто бы встать с постели но чужой
я всё ещё там,
завёрнута в сталь горизонта и мак глубины
я всё ещё там,
и весь твой взгляд как будто бы мечь
я разрываю твоё мохнатое тело до голых ям
и каждый день убиваю
порывы ветра, жесты, слова
нет, это не город воеет,
это не воля а чёрный вол
тянет молчание вспять

потом чуть более откровенно

Смертность в городе
переадресуется

в победу девственности/женственности
большая солнце-машина поглощает меня
большое машина-солнце смотрит смеётся и
Вздываются шрамы —
Вздываются груди
Натянутые на моё тело
как на имя, чужое для них
для них солнце ревёт — думает каждый
для них солнце как атом,
для них атомный взрыв лишь вспышка любви
моя к тебе
но я со страхом смотрю этот сон
смотрю не зная ни там ни тут
женщина я тебе или это
только роман который для них пора написать:
Невыносимая лёгкость тиндера

но невнятно признаться

смотри, это горн
(посмотри на слово которое бьётся
будто осколок маленьких птиц
жужжащих в скале чужих очертаний
всех людей)
это звук
и шелест станка
на котором велись беседы
и всё
кроме тебя — настоящее
(прошлое только ты
и гул тебе место)
горн так говорит
(неужели тебе не стыдно?)
и все его слышат

что мне в самые те в самые те минуты мне не стыдно
а вовсе

это не я замыкала пространство в цепь
но возле себя находила спящее лето
на вокзале
ему как собаке было некуда посмотреть
без ожидания в напряжённой памяти
от свиста ресниц на ветру
и запаха мести высохших рек
от распахнутых окон и век,
набитых деревьями ртов земель
тронутых лишь однажды —
я просто скучала с тобой —
как с собакой запертой летом
в тех переспелых поездах
где мы были закрыты в пути
будто мы сели в тюрьму продолжая идти на свет

теперь расшифровка

мне нужно закончить институт
мне нужно готовиться к экзаменам
а я мечтаю о сексе
с отцом своей подруги
я открываю книжку
если и сто ит сейчас думать
о теле мужчине //
о теле мужчины
то как о теле угнетателя
а я мечтаю о жёстком сексе
с отцом своей подруги
в своей душе
я уже провалила экзамен по феминизму
когда мне нежно снился секс
с этим сексистом и гомофобом
мне нужно закончить институт
изящно и постколониально
но мои мысли колонизированы
все уже поняли чем

конец

«ПОЧЕМУ НАСИЛЬНИКИ СО МНОЙ НЕ КОНЧАЮТ?»

время диалогов ещё придёт
время диалогов ещё придёт
время диалогов ещё придёт
кто-то кричал «хватит»
может быть, птица
я тащу к тебе пустые слова
взгляды на тебя бросаю в костёр
встречаю твой неспелый смех
кто-то кричал «хватит»
может быть, птица
это ритуал лишь дань лишь дань
на губах старухи радость тел
грубый секс стареющих племён
(капелька в болоте чего-то важного)
кто-то кричал «хватит»
может быть, птица
ни часов, ни знамений вокруг
зависть ко всему живому ждёт
в шуме расслоившегося сна
слышно как она к тебе придёт
может быть, «хватит»
может быть, птица
время диалогов ещё придёт
и пролает на твоих «устах»
будто за прощение приняв
страх и равнодушие прохожих
кто-то кричал «хватит»
кто-то кричал «хватит»
не будь бездной
не будь бездельником

*не будь бездельницей
лучше ударь меня*

1. Возвращение

Я поднимаюсь по лестнице из красного бархата
меня окружают стены
взгляды меня осуждают я слышу шорох толпы в глубине
комнаты нет и я поднимаюсь
хотя я совсем не голая
ощущение странное
ощущение неотвратимого долга
больше никого нет
я захожу в нечто похожее на кабинет отца
(там я была вчера
в первый и последний раз с тех пор как вернулась домой)
я вижу его со спины
пожирающего красную массу рассыпанную по столу как кокаин
я понимаю что это высушенное и перемолотое человеческое мясо
отец предлагает мне снюхать дорожку
я знаю что это неправильно
теперь он представляет опасность для общества — думаю я
и вспоминаю, что я против смертной казни
но слишком поздно:
кто-то уже вложил мне в руки каменный кинжал
(это не я)
это моё тело убивает своего отца
это очень страшно
это самая сильная в мире любовь говорит моими руками
я просыпаюсь с криком и хочу умереть
я смахиваю рукой со стула конверт с деньгами
которые он мне вчера одолжил
тревожно пересчитывая их, я успокаиваюсь
вдруг начинается пустыня
и водитель высаживает меня у поворота

2. Пост от первого лица в сети Instagram

Море

Мне удавалось на время забывать что такое тревога.
Её вызывают только вопросы, на которые нет ответа. Если нечего есть или негде жить — испытываешь усталость, но не тревогу, но эта усталость, мучительная физически, была для меня почти равноценна экстазу, потому что она не оставляла никакого места для тревоги. Всё это кажется мне теперь опытом освобождения от того, что вернулось ко мне, когда я вернулась домой.

Море

За эти три года, которые я провела, будто бы не имея дома, я поняла, что, когда люди говорят «от себя не убежишь», — они ошибаются.

море, я ошиблась
других вариантов не было, но всё равно стыдно и страшно
либо без тебя
либо от того что так устроено

Море

ты та кого мне не хватает чтобы просто смотреть на тебя
Море, ты помнишь как помимо нас всё сплеталось кольцами рук
как бесконечная жалость другого длилась над нами — а нам всё равно — море
я знала какой ты была — каждый утопленник знает глубину своей тени — теперь морская соль стала жгучей дотла будто в мире что-то возникло непоправимо и скоро останется только знание
без тебя или

Море

в тебя желания приходят издалека
твоя пена меня подводит, когда я целую туземца
вдруг вижу внутри себя песок на местах чужого взгляда моего
и чужого во мне
моего и чужого во мне в песке не откапывать неразлично,
но вскрывать как действительность поз в пространстве
и отказывать выдающим себя
сидящим на солнце как на витрине чего-то мёртвого посмотри
на их счастье море
собери их тела, отбери, омой и верни на войну
неси эти чаши крови и гноя как ошибки гниения
глотаи их как память своей глубины
отдай их мне помнить
отдай их мне быть тогда

P. S. Море, если ты это читаешь, пожалуйста, знай, что я не хотела, чтобы так получилось. Зная тебя, могу предположить, что мы больше никогда не встретимся. Но если ты захочешь меня увидеть, ты знаешь, где меня найти, потому что я много раз рассказывала тебе о своём прошлом. Я решила туда вернуться, и я буду ждать тебя там.

море

каждый утопленник знает глубину своей тени

но если её нет у взгляда тело ломается

чтобы просто смотреть на тебя

3. Встречаясь

Я снюсь себе в платье

Которое мать надевала каждую пятницу чтобы наконец встретить меня

потому что я сказала, что обязательно вернусь домой в пятницу
Во сне осень
Во сне у меня есть дети и муж
И странные мысли
Я наступаю на сухие листья и вспоминаю,
как в детстве ко мне прилетали мёртвые бабочки.
Каждую осень я слишком хорошо помнила их улыбки.
Шагопадение.
В осеннем хрусте, в сгустках слов, взмахами листвы,
в густоте ожиданий — шагопадение.
Каждый раз, прикасаясь к земле, помните:
вы уже высохли в чьей-то настенной коллекции.
У моего отца была огромная коллекция. «Живая природа».
Он изучал исчезновение видов или что-то в этом роде...
забываю как хрустела бумага на которой он писал о бабочках
исчезнувших в его руках
У моего отца была огромная коллекция. «Живая природа».
Он ничего кроме неё не ел
Но я хорошо помню все вкусы его любимой еды
и постоянно пытаюсь...
Вчера вечером я оставила сыну еду в сковородке.
А сегодня утром вместо еды я обнаружила там блевотину.
Мне страшно.
Отец всегда говорил матери:
«То, что ты готовишь, похоже на блевотину».

4. Я не боюсь темноты

Я знала, что дорога не заканчивается уже несколько дней
(обычно долгие дороги были самыми красивыми).
На асфальте было больше трещин, чем обычно.
На обочине около леса стояли отчуждение и девушки,
продавщицы тел.
У одной из них очень знакомое лицо.
Потом мы, наверное, попали в аварию
оказались в каком-то странном помещении

напоминающем детский лагерь и окна поездов
Мы сидели на белой кровати смеялись в темноте
напротив приподнялось бесполое существо в белой рубашке и
косилось на нас выпученными глазами
(в том месте нельзя было говорить о личном)
Мы выбрались довольно легко,
подкупив бесполое существо своей женской одеждой.
Мы оказались у дома с широкими окнами
во всех окнах горел свет
и мы всё видели.
Мы всё увидели и почувствовали стыд.
По дому ходили девушки.
Одна из них проводила до выхода счастливую пару.
Другая встречала пьяного мужчину.
Третья считала деньги.
Ты поняла, что в этом доме продавщицы тел
на подоконнике сидела девушка и громко плакала
Она говорила о чём-то болезненно личном
и несправедливом
Слышно было, как другие успокаивают её.
Нечто запрещало сочувствие,
которое ты начинала испытывать.
Вдруг я заметила, как исказилось лицо моей спутницы:
глаза выпучились, почти отделившись от лица, —
ты пыталась сбежать, а меня тянуло туда —
обернувшись, я увидела за своей спиной толпу разъярённых
и красивых,
готовых растерзать меня за то,
что я всё видела.
Когда я достаточно приблизилась, они тихо сказали:
«Тебя обвиняют в убийстве».

5. Счастье до секса

вчера мне снился сон
я была вроде повара

с огромной ресторанной кухней
только на кухне не было еды посуды мебели
и не было никого кроме меня
я ходила по этой кухне голая несколько лет
и однажды подумала:
«У меня ничего не получается с мужчинами, может, это
действительно не моё. Но надо же найти кого-нибудь для секса!»
тогда по улице в мою сторону надвигалась обнажённая процессия
эти мужчины заходили в мою кухню
и становились в очередь
тогда вдоль пустых железных столов
каждый из них пытался убедить меня, что мы друг другу
подходим а потом
появился огромный толстый мужик в памперсах
и сказал что один достоин владеть мной
я прогнала его
а он взял меня на руки и унёс в соседнюю комнату, кинул на
кровать и начал трахать в разных позах
а во второй части сна я поняла что подвела всех теперь мои
родители умрут из-за меня (не помню почему) и заплакала «не
получилось так, значит, поеду автостопом, водители подскажут»
подумала я и пошла ловить машину а потом другую и ещё
другую пока сменяющиеся водители не напомнили мне ту череду
мужчин на кухне этот сон приснился мне вскоре после того,
как мы познакомились с ней а она очень засмеялась когда я
рассказала ей этот сон и ответила что думала будто всего лишь
открывает для меня чудеса автостопа я тоже смеялась мы сидели
на берегу какого-то очень древнего озера я положила голову
к ней на колени и подумала что в первый раз чувствую такую
гармонию между мной и другим человеком как будто только мы
вдвоём на самом деле видели вещи когда смотрели на них

6. Чертоги разума

№ 1. We are opened!

мне было пятнадцать лет
я хорошо училась в школе
начиналось лето

я совершила поступок
который до сих пор кажется мне самым
безумным в моей жизни

Это, конечно, даже не третий этаж, а второй, но для меня прыжок со второго этажа — это точно что-то за гранью разумного. Я даже не уверена в том, насколько преднамеренно это было совершено, — помню, что мои руки соскальзывали и у меня не хватило бы сил забраться обратно. Я прыгнула не потому, что ты сказал мне прыгать, а потому, что папа запер меня внутри. Больше мне никогда не запрещали выходить из квартиры, но ключей от родительского дома у меня нет до сих пор. Я вызвала такси, потому что не могла идти. Ты встретил меня на улице, взял на руки и донёс до двери. Ты играл на гитаре и пел какую-то очень плохо написанную (специально для меня) песню. Потом ты засунул в меня свой член, и, честно говоря, физически я почти ничего не почувствовала. Но было очень приятно, что боль в ноге перестала чувствоваться. «Всё-таки в сексе есть какое-то волшебство», — подумала я. Я хотела сымитировать что-то, но ты попросил меня вести себя тихо, потому что за стеной не спал какой-то чувак. Я сказала ок и закрыла глаза. Когда всё закончилось, боль в ноге вернулась. Я просила тебя поехать в травмпункт, но ты не просыпался. Я посмотрела на твоё красивое спящее лицо, и все разнородные чувства, которые я испытывала к тебе, окрашенные нежностью, тревогой и неразрешённостью, превратились в ненависть. Сука, как же я тебя возненавидела.

Резюме: В «Табу девственности» Фрейд писал, что существует ещё одна причина, по которой именно вождь племени обладал привилегией первого полового акта с каждой из женщин: дело

в том, что в силу определённых причин, среди которых — боль, которую испытывает женщина, лишаясь девственности, у неё есть все основания воспринимать первого сексуального партнёра как врага и обидчика. Распространённый среди древних племён обряд носит практический смысл, оберегая мужа от ненависти жены. «Woman always remember her first». Я ненавижу тебя. Я хочу тебя. Я испытываю отвращение к тому тебе, которым ты стал, но сквозь твоё бесформенно огрубевшее и безразлично тупое лицо до сих пор прорисовывается романтический образ, я помню его, и его никогда не существовало в реальности.

№ 2. Almost closed

Мне было шестнадцать лет. Я пришла к тебе после школы. Зачем-то я соврала тебе, что я девственница. Меня удивило, что после моих слов «я девственница» твоё поведение совершенно не изменилось, ты пробормотал что-то вроде «да-да» и продолжил совать в меня свой член, как будто никакого признания не произошло я думала что ты как опытный мужчина будешь нежнее или что-то вроде того, а ещё я помню, что сначала была взволнована происходящим, а потом ждала, когда же ты уже кончишь, господи, да когда же ты уже кончишь, мне становится больно. Ты так и не кончил, сука, это заставило меня сомневаться в себе. Я не могу довести мужчину до оргазма, какого хрена? Первый тоже не кончил. «Почему мужчины со мной не кончают?» — думала я. Идеи феминизма не помогли мне справиться с этой тревогой — я почувствовала себя хорошо только когда в первый раз кто-то кончил мне на живот (забавно, что я не могу вспомнить, кто именно это был). В сцене нашего секса на тесной односпальной кровати в квартире с высокими потолками и белыми голыми стенами (ненавижу белые стены) был переломный момент: я подумала: «Сука, что я здесь делаю, как это странно: чужой мужик, какой-то писатель (хуёвый, скорее всего), которого я вижу в третий раз в жизни, шепчет мне на ухо какие-то банальности и суёт в меня свой член, а мне в это время что надо делать, двигаться туда-сюда, или как это работает, что я вообще должна чувствовать и почему я так долго ждала этого момента?»

Резюме: Больше я не чувствовала подобного рода отчуждения. Вообще кажется, что больше всего разновидностей отчуждения существует именно в сексе, в сексе оно каждый раз другое.

№ 3. Total stranger № 1

После знакомства с ней я не чувствовала потребности в сексе и, может быть, даже забыла на некоторое время, что к мужчинам нужно испытывать сексуальное желание. Мы были в горах, я и она, мы были счастливы, мне так казалось, но на самом деле не были. Я не хотела, чтобы она уходила, но она сказала, что нам надо отдохнуть друг от друга, на самом деле ничего не сказала, а просто ушла. Я знала, что теперь мы встретимся только в следующей точке — не так уж далеко она была, но вся эта ситуация казалась невыносимо неправильной. Как будто мы с ней вообще не должны были встретиться, но теперь мы вместе, пока не доедем до конца, а конец далеко, долго находиться в одиночестве опасно, и никто из знакомых не знает, где мы — сначала мы сами не хотели, чтобы кто-нибудь что-нибудь знал, а потом это стало невозможным, сообщить о себе — то же самое, что и вернуться из другого мира.

Я знала, какой дорогой поедет она, и решила выбрать другую дорогу, чтобы наказать её, это точно было для того, чтобы наказать её, но я уже не помню, как именно я собиралась её наказать, действуя в согласии с её желаниями. Я встретила тебя на той, другой дороге. Я попросила отвезти меня в палаточный городок, но ты сказал, что совершенно необязательно мне ехать в палаточный городок — там сейчас почти никого, потому что звери охотятся, зато у тебя народу много, у тебя родители уехали, и на тусовку придёт полдеревни. Я ответила «поехали», чтобы наказать её, я не знаю точно, как я собиралась её наказать, доверяясь тебе, но я точно помню, что сказала тебе «да», чтобы наказать её. А дальше у нас с тобой всё было схвачено — мы много пили, танцевали, ты всё время наливал мне что-то и я пила всё, что ты наливал, потому что в тот вечер мне очень хотелось выпить, потом мы пошли наверх, в комнату твоих родителей, мы собирались заняться сексом, я легла на кровать,

и вдруг подумала, действительно ли я хочу этого, поняла, что, кажется, я совсем этого не хочу, я хотела сказать тебе «не надо», я неуверенно сказала тебе «не надо», но ты не поверил мне. Что было дальше, я не помню. Как будто я телевизор, который выключили, пока передача, в которой я участвую, продолжается.

Резюме: Иногда так называемые духовные ценности начинают казаться мне настолько иллюзорными, что я перестаю врубаться в смысл речевого процесса как такового. Зачем говорить, если нет ничего, кроме сексуального желания, которое сводит меня с ума, и разочарования, которое я испытываю после секса?

№ 4. Total stranger № 2

Я совсем ничего не помню, но мне почему-то кажется, что ты был.

№ 5. Total stranger № 3

Я точно помню, что уходила спать с твоим другом (я же не сумасшедшая), но почему-то проснулась с тобой. Точнее, я не совсем проснулась, я вдруг поняла, где я нахожусь, как будто в моё тело, совершавшее какие-то действия, продиктованные чужой, неизвестно чьей волей, вернулось его сознание, моё «я». Я вернулась и оттолкнула тебя. Я не знала, испытывать ли мне стыд перед тобой или ненависть к тебе. Всё это было так странно, что сначала я ничего не испытывала. Только возникло какое-то странное чувство, когда я поняла, что ты на меня очень сильно разозлился. Будто я не дала тебе чего-то, что обязана была дать.

Резюме: Это опыт с тобой, именно с тобой, плевать на них, в итоге оказался достаточно травматичным. Но как же странно чувствовать эту его травматичность, одновременно зная, как сильно он похож на мою сексуальную фантазию, без которой я никогда не могу кончить. Я пью. Курю марихуану. Я пью. Я не чувствую пола. Меня подхватывают и начинают раздевать. Прямо на бильярдную стойку. Чего я хочу от них? Один держит

руки. Я почти не могу сопротивляться. Другая рука держит шею другая рука скользит по моей груди, захватывая её другая рука мнёт мою вагину, руки нежно разбирают меня на расчленённое тело, превращаются в племя папуасов, размахивают моими руками, ногами, половыми губами Чего я хочу от них?

№ 6. Casual

Это не я. Было скучно я пошла в бар днём и встретила парня его звали Рома он был музыкант и у него были грустные глаза он рассказал мне про свою подругу из Марокко она была оперная певица я хотела с ней познакомиться а потом оказалось что он расстался с девушкой мы обменялись телефонами он мне звонил и писал но в это время я была занята потому что гуляла с детьми чужой матери или уезжала из пражы в дрезден а потом я ему звонила и писала а он был занят наконец мы встретились я пришла на карлов мост он играл под мостом потому что так он зарабатывает на жизнь пока мы шли в бар он рассказал что ему уже год делают визу потому что он случайно зарезал человека из института в котором он проучился три года не существует мы долго искали бар и нашли бар с комнатой которая была сделана для тех кто нюхает кокаин там были мягкие кожаные диваны и фотографии из шестидесятых мы были там одни пили пиво разговаривали но мне казалось что мы слишком разные но потом он достал гитару и сыграл как он меня чувствует и как он себя чувствует и как он чувствует мир это было очень красиво мы вышли покурить и я поняла что он не хочет знать кто я такая мы целовались и лежали друг у друга на коленях и я подумала что это невыносимо когда моё тело станет твоим когда я не знаю кто ты ты не знаешь кто я и мы не хотим друг друга знать и я попросила бармена вызвать мне такси хотя ещё пара стаканов пива и мы потрахались бы прямо в той комнате потому что она запиралась а диван был суперудобным вот такая история почему я чувствовала отторжение когда он прикасался к моей груди потому что он хотел чтобы я прикоснулась к нему в ответ он не хотел играть со мной как с куклой он хотел чтобы я тоже танцевала а я хотела исчезнуть как речь потому что мне нечего было ответить ему.

Резюме: Единственная вещь, которую я по градусу проблемности могу сравнить с еблей,— это автоматическое письмо.

№ 7. Almost closed

Сначала всё шло хорошо, а потом сказала, что меня изнасиловали и я не могу/не хочу продолжать. Не знаю, почему я это сказала, не знаю, что такое насилие, и склоняюсь к тому, что со мной произошло не это. Но после этого случая чувак начал меня избегать, хотя между нами явно что-то начиналось.

Я поделилась этим с ней, когда мы встретились на следующее утро.
Я сказала, что не знаю, что со мной произошло
И это тревожит меня
Она слушала меня молча
А потом сказала, что, пока слушала, вспомнила:
«Со мной произошло нечто намного более ужасное чем с тобой»
И ничего больше
Это было её первое предательство
Я никогда не чувствовала себя
Такой брошенной
Потому что единственный человек, который мог бы меня понять
Не хотел слушать
Но я ничего не сказала
Я начала слушать её
И она рассказала нечто действительно ужасное
И мне до сих пор тяжело быть единственным свидетелем этого
Мне было бы легче поговорить об этом с кем-нибудь
Но я не смогу
Потому что я обещала хранить её секрет
Я не смогу почему-то
Даже абсолютно анонимно
Где бы мы ни были и кем бы мы ни были друг другу

Резюме: Для того чтобы полюбить секс, недостаточно полюбить человека, с которым ты им занимаешься (это было понятно с самого начала). Ещё недостаточно любить секс в своих фантазиях, недостаточно просто раздеться и прикоснуться к половому органу

партнёра, фразы «трахни меня» недостаточно, сексуального желания недостаточно, идеального размера члена недостаточно, наркотиков и алкоголя недостаточно, не хватает слов.

№ 8. Мой любимый секс

Я впервые в жизни почувствовала удовольствие от того, что внутри меня находился член

(дело было не в члене, дело было в тебе)

Я не знаю, почему это произошло, но я почувствовала очень сильное влечение, как только тебя увидела, я знаю, что ты тоже это почувствовал, и с каждым часом наше влечение росло, мы почти не разговаривали о личном, но чем дольше ты молчал, тем сильнее становилась наша интимная связь, будто это были не часы, проведённые в толпе людей, где мы случайно и неловко сталкивались время от времени, а какие-нибудь дни или недели, проведённые наедине. Мы занимались сексом, в тот же день мы рассыпали мусор на кухне на полу, мы занимались сексом в куче мусора, и это был самый лучший секс в моей жизни, тогда, я помню, я ждала её в твоём городе, она задержалась где-то и всё не ехала, это длилось недели, а я, пока её не было, осталась жить с тобой, чтобы заниматься самым лучшим сексом в моей жизни и однажды мы действительно остались наедине без секса и без свидетелей

мы говорили

и каждый час действительно тянулся как год

то в тебе, что состоит из слов

оказалось невыносимым для меня

меня тошнит от того, что ты думаешь

меня тошнит от того, что ты думаешь

чем больше ты думаешь, тем хуже становится секс

моё влечение не исчезало по мере того, как увеличивалось

отвращение к тебе — тогда я начала испытывать боль во время

секса — если бы не эта боль

мы бы до сих пор были вместе

Резюме: Любовь существует. Это нечто неартикулированное, неопределённое, оно не находит себе места, оно бы распалось,

если бы было делимо на части. Это ответ на вопрос «Почему я люблю секс с тобой?» — то, что заставляет любить секс и не находит себе никакого подтверждения в реальности. То, чему вещи при неудачном их расположении сопротивляются, когда мы сами — вещи, лежащие (в твоей кровати) не на своих местах.

№ 9. Развязка

Смотри, это стыд
Пролетавший мимо
И не успевший к своим птенцам

7. Признание в любви

никто не знает, что́ в моё сердце тычется
будто тупым концом
может быть, это камень в ботинке
сумрачный лес у заправки
свет одинокой фары твоих глаз

может быть, в этой луже бензина
завтра утонет бог
может, поэтому так тяжело
долго смотреть
как в твою сторону падают тени
или ты просто
без меня
варишь пельмени
а моё сердце жжёт этим паром до крови

была красивая солнечная ночь
кокаин светил так ярко
что можно было задохнуться
но мы не задохнулись — нам очень понравилось
потому что
мы с тобой впервые поцеловались

знаешь, мне очень обидно
что мы теперь никогда не узнаем,
могло ли что-то между нами произойти по-настоящему
могли бы мы остаться где-нибудь жить, работать,
рожать друг другу детей?

и ещё что-то заставляло меня чувствовать себя плохо
вроде бы ничего такого не произошло, ты хорошо провела время
и в целом всё ещё чувствуешь себя здоровой
но будто бы ты совершила предательство
когда-то, может быть, не сегодня и не вчера
ты забыла, что очень сильно виновата перед кем-то
и утром, когда кокаин закончился (или секс, какая разница,
это не так важно для истории, она не различает тут два типа вины)
вдруг вспоминаешь
хотя на следующий день уже всё в порядке
и можно двигаться дальше

«ну что, пойдём?» — спросила ты
вместо меня тебе не ответило чувство вины
мне очень хотелось туда пойти
мне очень хотелось испытать всё это
отвращение к себе, и я заплакала
но ты не заметила, что я плачу
потому что уже была на шаг впереди меня
когда мне хотелось убежать оттуда
ты уже вошла в комнату, в которой тебя ждал кокаин
и я не смогла убежать
я вошла в другую комнату, где меня ждал кокаин
я отсосала ему два раза
может, я даже не слишком жалела, что это произошло
потому что отсосать за кокаин — это своего рода уникальный опыт
он хотел трахнуть меня
и я решила ему не отказывать
может — думала я — в такой ситуации
можно получить чёрный-чёрный оргазм
мне стало хорошо от того, как мерзко я поступаю
мне стало легко, и я была готова ко всему

он засунул в меня свой член
и сразу кончил
вот тогда во мне действительно что-то сломалось
но когда он посмотрел на меня виноватым взглядом
я поняла, что что-то было в этом парне
похожее на моего первого мужчину
это было что-то родное в мужчине
утраченное мной
и я поняла
что не смогу жить без мужчин
я поняла, что когда-нибудь наверное
если мы с тобой будем вместе
я могу очень сильно ранить твои чувства
я испугалась этого или того,
как далеко у нас всё зашло с тобой

ОРГАНЫ ЖЕНСКОСТИ

1

природа присутствия — преступление
тяжёлые роды памяти
тяжёлые роженицы на свалках
мусорщик чувствует
тяжесть внизу живота
«ты тоже похож на мир»
говорят ему мусорные листья
сухие-сухие, как кости в пустыне
а он тем временем, тем смутным, тем тёмным
временем чувствует: проходят люди
и оставляют следы, которые он
будет помнить и будет подметать

2

я смотрела на племя в тени, как пыль
лежавшее на полу и молчавшее белым
я смотрела, как время
в отчаянии сыпалось вниз
как кому-то плохо спалось за дверью
как за пределами сна не узналось, не удалось
и осталось лишь повторять:
«я нашёл её всю в огне»
«я нашёл её всю в огне»
и в окне было видно,
как отдаляется тело твоё
в коренное пространство дороги

3

спать с моряками
жить на корабле
питаться пеной
помимо пыли
из-под сапог
тяжёлых моряков
питаться пеной
становиться сонным
спать с моряками
и кричать во сне
закрой глаза иди по мне
как по воде
как по большой стране
как дырка от любви в стене
как слово «хватит» на коне
несущееся до обрыва
спать с моряками
говорить с надрывом
быть женщиной

быть женщиной
перед большой-большой страшной чёрной дырой
зловещей и требовательной вагиной мироздания
(особенно страшно во время: секса, смерти, приёма пищи)

MEMORY И ПАМЯТЬ

вещи которые думают о тебе
прикасаются к памяти
не исчезают на горизонте
не пугаются
снимать с тебя всю одежду
до кончика белой кости

или

раствориться в текстах Аркадия Драгомощенко это

идеальная смерть, которой мы лишены

раствориться в буквах, из которых потом
складывают новости про Мариуполь

«мы тебе этого не позволим» — думают вещи

когда из них сочатся чужие слова, эйдосы войны, прорыв
канализации смыслов

радоваться лучам солнца на коже

когда они
с листьями деревьев шепчутся о войне

в моём животе
между моим и чужим телом
запахи гари и свежескошенной травы
пачкают память теплом внешней тревоги
внутри будто жгут фотоплёнку — последовательность
изображений дома —

цветные чернила капают
с моих детских улыбок
ударов о железные качели
наслаждения речью на Чистых Прудах
и гневом объединявшим нас
потом онемевшим вместе с нашей связью

тонкие руки расстояний
жгут фотографии
в моём животе
греются у костра
разъедающего присутствие
оставляющего только обугленные кусочки
не имеющие никакой другой реальности
кроме памяти

виктимизация перспективы познания
— злая шутка о памяти —
на пересечении
тоненькой плоти местности и сетей
ловца слов, похитителя печали, твоего нового друга
или
давай лучше будем молчать
прощаясь с заснеженными значениями
обращений и инфинитивов
хватит измазывать словами
это бессубъектное непорочное насилие означивания
убери от нас свои руки
you are a fucking stranger here
you are
злая шутка о памяти

*это скорее о том как язык на слове «война» отсыхает
буквы посыпались и тишина в степи*

мы обязательно вернёмся:
неупомянутое тело
плывёт по высохшей скамейке
совместного воспоминания

мы обязательно вернёмся —
диктует чуждая наречность
необжитых нечётких комнат
где неестественно свободно
дышать никто не запрещает

мы обязательно вернёмся:
дышать никто не запрещает
хотеть никто не запрещает
с соседом трахаться в тоске
когда стучит копытом в двери
из глубины глухих влечений
сердечко чуткого мента

неупомянутое тело,
ты обязательно вернёшься
тебя найдут и подберут
и унесут с собой на праздник
вверх по течению реки
времен и нежностей телячьих
за разговорами в СИЗО

ЧАСТЬ II

WHY SUCH A PRETTY GIRL CRIES DURING SEX?

*

Идея, которой с ней однажды поделилась подруга, показалась вдруг по-новому привлекательной. В Испании и, наверное, где-то ещё до сих пор существуют тропы для пилигримов, горные и лесные дороги, которые нужно пройти пешком, почти не имея контакта с цивилизацией (хотя в строгом смысле такое вряд ли возможно). Раньше эта идея казалась привлекательной просто из-за надежды на какие-то внутренние перемены, которые могли бы произойти, если бы она достаточно долго смотрела на формы и цвета природы, которые успокаивают её, а ещё, решившись на этот путь, физически вырвала бы себя из замкнутого круга собственных действий, мысленно оглядываясь на которые, она каждый раз закрывала глаза и истерично морщилась, иногда даже вскрикивала. Комически и исторически привлекательным во всей этой истории пути пилигрима казался тот факт, что в самом его конце католическая церковь до сих пор выдаёт грамоты об отпущении грехов. А теперь она подумала: «Как бы было охуенно, если бы отпустили грехи!» Потому что даже если ты отстранённо и критически относишься к концепту греха и не веришь в бога, даже если иногда кажется, что во всём этом нет твоей вины,— грехи у тебя всё равно есть, и ты это чувствуешь, ты это точно знаешь, хотя впервые в жизни говоришь об этом с собой, как сейчас,— сейчас-то ты понимаешь, как бы охуенно было тебе на самом деле получить эту маленькую и смешную расписку католической церкви о том, что она прощает тебе все твои грехи. Где-то в глубине проплыла и исчезла мысль о том, что это уникальная возможность и, наверное, единственная вещь, которая могла бы помочь человеку, которому психоанализ не помогает.

— А как они вообще узнают, что ты действительно прошёл весь этот путь?

— В начале пути тебе выдают что-то типа паспорта пилигрима. Там по дороге есть промежуточные пункты, можно даже ночевать не в палатке, если ты прошагал целый день. Там вроде даже можно поесть и закупиться продуктами, и там тебе ставят штампы в твой паспорт.

— Ну да, получается, что легче честно пройти этот путь, чем ехать, а потом как-то добираться до каждого пункта.

Лиза задумывается и перестаёт замечать подругу. «О чём ты думаешь?»

«Почему ты не слышишь моего вопроса?»

«О ком ты думаешь?» — спрашивала она так, что невозможно было понять, кричала ли она эти вопросы или же не осмеливалась выговаривать.

*

*Сайка похожа на стаю птиц или их летнее убежище
или на белый лай таёжных собак*

или сай-ка

на женщину которая для меня настоящая

которая для меня как ребёнок улыбается

у неё чёрные глаза феи

её муж хочет засунуть в меня свой мерзкий член

когда я приехала к ним и он встречал меня около дома и я увидела его в первый раз я сразу поняла что я не хочу его и зачем я вошла в тот дом я не знаю и когда он снял свою куртку и я увидела его голый круглый живот зачем я тоже сняла куртку я не знаю

он сказал проходи на кухню садись хочешь дорожку

я спросила а где ещё одна девочка ты её не обижал?

он сказал ты меня оскорбляешь мы пара это моя жена она в бане

я сказала ок прошла и села потому что я хотела дорожку

я не знала

на этом всё как будто оборвалось
на самом деле

я хотела уйти и хотела ещё дорожку

когда неприятно близко и мокро как в подвале зашептал расслабь
её расслабь её она будет напряжена расслабь её ты должна
ты должна теперь ты должна а она не знает как это с девочкой
а ты должна и расслабь её расслабь её расслабь её

а я себе говорила что ничего не должна и это я знала но кто-то
другой во мне был уверен что -э-т-о- ложь это ложь мне будто бы
даже жалко себя но на самом деле мне стало её очень жалко

я так не могу

я сказала ему я ему честно сказала

я так не могу но он не слышит он говорит просто дослушай
дослушай меня просто дослушай расслабь её расслабь её расслабь её

ей наверное в это время страшно и неприятно
она наверное поэтому так долго не выходит
а её мерзкий муж хочет засунуть в меня свой член
она знает вообще что её мерзкий муж хочет засунуть в меня
свой член она знает вообще что я здесь?

я собираюсь уйти и сталкиваюсь с ней в дверях

он так мерзко смотрит мне в спину

она так мило боится меня

потом она видит что я тоже её боюсь и улыбается чёрными
глазами феи и протягивает руку а потом наверное передумала
и обняла меня как будто долго меня ждала и посмотрела
чёрными глазами феи потому что увидела что я здесь на самом
деле не за тем же что и он а за ней она наверное думала что есть
Бог есть Бог который меня привёл сюда только из-за неё

и мне становится страшно: это я сама чувствую
или это я ему подчиняюсь

это я чувствую или это он хочет
это мерзко и грязно это стыд или это Бог

я хочу уйти

я не знаю

но она берёт меня за руку
она сама первая берёт меня за руку

у меня жгучее ощущение в носу
и возможно скоро прольётся немного крови
у неё жгучее ощущение в носу
и возможно скоро я увижу её маленькую ровную и красивую
капельку крови — стекает по верхней губе прямо в рот

Сайка мне хорошо когда я не смотрю на него
и стыдно когда вспоминаю

Сайка говорит: «Я до этого не целовалась с девочкой
никогда-никогда»

Сайка говорит: «Мне понравилось»

он притягивает её сзади к себе она почти не сопротивляется
она не отпускает мою руку он её трахает она снизу он говорит
мне хочешь быть сверху говорю нет целую её а когда она на мне
я пытаюсь представить что его с нами нет и за это мне перед
ней немного стыдно но так хорошо что она есть и не хочет ни
с кем кроме меня потом я чувствую боль это столкнулась с ним
частями тела острая но почти забывается она обнимает меня
мою грудь меня толкает его убегают я остаюсь одна он сверху

она говорит он меня украл а родители возвращать не стали они
могли но законы у мусульман строгие вот меня в пятнадцать
и выдали замуж

я начинаю думать как это могло бы быть когда она услышала от меня как можно на самом деле изменится ли у неё что-то когда она говорит что хочет дружить и потом целует что из всего этого выйдет я так безответственно развлекаюсь ищу с кем бы принять наркотики влюблена в неё как в случайный кадр а с ней это всё впервые и что я могу если у неё такой мерзкий муж такой гладкий сильный враждебный член её мужа сильнее меня сильнее моей любви у неё трое детей что мы будем делать он говорит ты расслабила её расслабила теперь расслабься расслабься

плачет ребёнок

в другой комнате плачет ребёнок

я не знала, Сайка

«Мамочка идёт»

её голос его член я пытаюсь вырваться

*она поёт колыбельную я хочу уйти а он говорит хочешь
ещё дорожку хочу уйти но хочу ещё посмотреть на неё*

Она берёт Лизу за руку и вырывает её из этих странных воспоминаний. Они долго смотрят и разговаривают — уже не помню о чём, — а потом не хотят расходиться по разным спальням и вместе ложатся на чердаке.

Утро. Они спускаются с уютного деревянного чердака, на котором поселилась Лиза, и заходят в дом. Это первый раз, когда ей придётся столкнуться с отцом подруги, так как вчера ночью, когда она приехала, он уже спал. Лиза ненавидит встречаться с людьми в первый раз. Она предвкушает нечто неприятное в его взгляде, которое он попытается скрыть, когда впервые увидит её, просвечивающую сквозь одежду гусиную кожу, бородавки

на лице, неровные груди, волосы на глазах и деревянные суки вместо рук. Но он приподнимает брови, даже не пытаясь этого скрыть. И усмехается, будто не заметив этого. Он говорит:

— Дочь рассказала мне, что ты любишь берёзовый сок,
и я собрал для тебя немного берёзового сока.

Она улыбается и испытывает новый наплыв неприятного чувства, что-то вроде вины перед родителями подруги, которые могут узнать, кто ты на самом деле, и запретить вам общаться. Но он говорит:

— Занимайтесь своими делами, девочки, я сегодня домой не вернусь.

Ей нравится, что этому человеку наплевать, кто она на самом деле. Но это заставляет её задуматься и не заметить, как он ушёл. Она думает о Косте. О том, какой у него большой член. О том, как они нюхали мефедрон вместе. О том, что на самом деле прямо сейчас ей даже не хочется ещё, но совсем скоро, когда она не будет этого ждать, наступит момент, когда ей вдруг захочется чего-то такого, и только на следующее утро или, может быть, через несколько дней она будет чувствовать себя очень плохо и вспомнит, что ничего такого ей совсем не хочется. Это что-то похожее на ночь перед отъездом. Она должна была доделать работу и лечь спать, но решила выпить бокал вина. Она знала, что не сможет остановиться на одном бокале и что для неё в тот момент этот дурацкий бокал вина был опасен, но всё равно решила выпить бокал вина. Она выпила бутылку вина и зашла в своё любимое приложение для секса. Там она поставила лайки только тем чувакам, у которых в описании есть эмодзи, предположительно означающие наркотики. Один чувак сразу позвал её к себе, она поехала. Вспоминая это, она морщится и вскрикивает от стыда и неприятия того факта, что это опять произошло. Её спутница замечает это, но никак не реагирует, потому что намного легче не замечать эту неловкую странность. Она думает о Косте. О том, какой у него большой член

я могу думать о тебе бесконечно
у этой истории так много сторон но мне кажется
каждая из них — тёмная сторона моей вагины
другая подруга говорит что эта половина человека чиста
что во всём виноваты мужчины
но я чувствую
как тёмная сторона не лжёт
потому что она с тобой одно целое
кстати, мне никогда не было важно твоё лицо
только то, как ты всё понимаешь
как перед тобой не стыдно
стыдно что ты в моей жизни есть но никогда перед тобой
как ты говоришь «настойчивое солнышко» или
«что ты со мной забыла»
я забываю
что за мной охотятся
я забываю а если честно не совсем понимаю как это случилось
и почему мне захотелось видеть тебя второй третий
четвёртый раз и так бесконечно второй третий четвёртый
почему ведь я раньше честно признаться была такая история
заплакала во время секса а была такая что было наслаждение все
дела и мальчик красивый но мне вдруг показалось что для меня

*всё на свете оборвётся если он не перезвонит я просто не выдержу
если он и тогда я сбегала просто не оставила ему свой номер
и вконтакте заблокировала кстати он у меня в чс до сих пор или
когда был другой я просыпалась утром и забывала всё кроме того
чем я становлюсь в такие моменты тёмная сторона вагины
и тишина разве такое может стать одним целым с тем что
называется жизнью разве такое может вообще быть частью
чего-то настолько отличного как например живое*

но ты

*отодвигаешь материю моего чего-то между плотью и очень
тяжёлым с утра непозволительным виновным экстазом
ты отодвигаешь смотришь туда и улыбаешься дурак*

потом звонит муж Сайки и говорит «я убью тебя, сука»

*а тебя уже нет вокруг и рядом меня чтобы
у него забрать
ответить «я убью тебя, сука»
«это моя сука, я убью тебя, сука»*

я в ожидании этого звонка

я знаю, что они захотят меня наказать

если не эти, так другие

захотят наказать за то что я

Она опять тонет в множестве его образов, и тут подруга ни с того ни с сего:

— Знаешь, что мне папа сказал, когда забирал меня из больницы после первой попытки?

— Ну? — такой реакцией Лиза пыталась одновременно показать свою серьёзность в обсуждении этого вопроса и поддержать непринуждённую обстановку, располагающую к подобным

откровениям, но получилось, как ей показалось, слишком равнодушно, и она почувствовала неловкость.

— Он посмотрел на меня таким, знаешь... взрослым осуждающим взглядом и сказал: «Это самый эгоистичный поступок, какой только можно придумать. Я просто в шоке».

Почему она никогда себя не убьёт — для меня загадка, но я знаю, что она никогда себя не убьёт. А когда я смотрю на её подругу — что-то во мне обрывается, и мне страшно, потому что о ней я действительно ничего не знаю, даже запомнив каждое слово, которое можно сказать о ней.

*

В эту ночь дома не было никого, кроме них. Они сидели на кухне. Из-за дождя становился сильнее запах дерева, доносившийся в открытое окно. Потом у них закончилось вино. Они побежали до гостиницы — единственного места в посёлке, где в это время мог продаваться алкоголь, — прикрываясь детскими рисунками подруги Лизы, с которых на их плечи потекла гуашь. В гостинице был бар, но их туда не пустили. Когда они вернулись домой, смеясь и разнося следы дождя по дому, Лиза начала искать в кухонных ящиках и нашла целую бутылку какой-то крепкой домашней настойки. Они унесли её с собой на чердак. Когда дождь закончился и в деревне было очень тихо, они услышали скрип калитки, и через какое-то время, хотя вряд ли это было возможно, Лизе казалось, что она слышала, как в доме включается свет.

— Как думаешь, он не заметит? — спросила Лиза.

— Нет, он почти никогда не пьёт это.

— Блин, я опять есть хочу.

— Да не бойся, спустись на кухню.

В деревне ей всё время хотелось есть, и голод был более материальным, чем обычно. Спускаясь с чердака по старой железной лестнице, к которой она никак не могла привыкнуть,

будучи каждый раз уверенной, что лестница вот-вот сломается или упадёт, Лиза вдруг испугалась, что, может быть, голод трансформировался не от перемены места, а от того, что она беременна от Кости или ещё от кого-нибудь. Но потом подумала, что это ощущение на самом деле больше похоже на беременность пустотой, и немного успокоилась. Она остановилась, чтобы покурить на веранде, и какое-то время не решалась войти в дом из-за нахлынувшего внезапно чувства, похожего на непрошенный и неуместный стыд. Но снова начавшийся дождь прогнал её и заставил войти. Отец её подруги сидел за столом и копался в телефоне. Она взяла банан, села рядом с ним и молча начала его есть. Пища как будто растворялась, не успевая добраться до её желудка, жгучее чувство голода усиливалось, от этого становилось тревожно, и чувство стыда не проходило. Она потянулась за вторым бананом и чуть не уронила вазу с фруктами.

— Опять напились?

Она не ответила и начала молча есть второй банан, смотря в пол. Теперь ощущение взгляда этого человека на себе казалось ей неприятным какой-то странной избыточностью, как будто теперь он, вместо того чтобы делать невидимыми все частички её наполненного пугающими и отталкивающими знаками тела, выносил эти знаки наружу, невыносимо проявлял их горизонтом своего взгляда. А она краем глаза заметила, что шкаф, в котором раньше стояла настойка, открыт. И хотя ему эта ситуация казалась скорее смешной и было интересно проверить её реакцию, она не поняла этого и вдруг почувствовала паническую уверенность в том, что сейчас её выгонят из этого дома, и больше ей будет негде прятаться. Он сдерживал улыбку, потому что его веселили её испуганные глаза. Она закрыла глаза и что-то странное сказала, что-то типа: «Она ни в чём не виновата».

Он засмеялся. Потом они оба замолчали.

Лиза часто встречала людей, которым всё это было смешно, но у неё в это время деревенела и загоралась кожа, застывали

и путались мысли, перед лицом проносилась садистическая сторона образа мира.

Когда она вернулась на чердак, всё прошло. Но она почувствовала острую необходимость трансгрессии. У неё иногда такое бывало, и она не понимала, почему это вдруг на неё находит. Она не знала, куда именно что-то из неё хочет вырваться, и как будто вслепую нащупывала желанием хотя бы что-то, за что оно могло бы в подобной ситуации уцепиться, чтобы перестать быть таким невыносимым. Лиза зашла в приложение для секса, чтобы попробовать найти мужчину, готового заплатить за такси из деревни в Москву и обратно. Она держала телефон так, чтобы её подруга не заметила, но, передавая бутылку, уронила его, и он приземлился вверх дикпиком, который отправил какой-то мудака, к которому она, конечно, скорее всего, не собиралась ехать, только если будет кружиться голова и больше совсем ничего не подвернётся. Подруга ударила её плечо ладонью.

«Сука, опять?!»

Она на такое обижалась.

«Ладно,— подумала Лиза,— никуда не поеду сегодня, зато завтра стыдно не будет, и вообще ничего не будет, может, оно и к лучшему». Хотя голова у неё кружилась сильно и совсем не от алкоголя. Подруга что-то говорила, потом ушла. Лизе пришлось приложить огромное усилие воли, чтобы остаться.

*

Ты на такое обижаешься

когда мы вместе говорим о чём-то до поздней ночи

а потом я жду, пока ты ляжешь спать,

чтобы поехать

неважно к кому
а ты в этой сцене есть всегда
замалчивающая не понимающая судящая
ты всегда чувствуешь заранее
и я понимаю, что со мной это опять случится
когда от тебя в мою сторону движутся волны замалчивания
мне хочется думать
что тоже могу быть волной
и не понимаю, что ты упускаешь во мне
или наоборот
если так злишься
а однажды ты спать не хотела и я говорю: «Поехали вместе»
«Поехали»
«Только я потом я останусь а ты уедешь»
«Ок»

он обещал, что ты не узнаешь
как он любит нечто родственное умолчанию во мне
он обещал обещал но начал меня трогать и я почему-то не
смогла проронить ни слова чтобы его остановить внутри
меня всё очень скомканно молчало впитывая не имеющее длины

ощущение его руки сминающей мою коленную чашечку а ты делала вид что не замечала так чтобы твоё замалчивание поглотило моё умолчание ртом-виной

двойное оцепенение

ты уехала

ещё каких-нибудь полчаса и всё было бы хорошо и не было бы такого что мы с тобой даже не попрощались но

в такие моменты вот что происходит в такие моменты моё тело абсолютно теряет смысл какой бы то ни было и это как будто в утверждении я утрачена полностью от отрицания ускользаю и последнее что могу заметить — это в чём-то приятно потому что один из смыслов моего тела читается так «быть невыносимым» или «быть чуждым для взгляда» а теперь как будто вся эта тяжесть мне больше не принадлежит

*

Она спустилась к веранде и задержалась там, чтобы покурить. Дверь была открыта, и она услышала:

— Какого чёрта она это делает? Она же знает, как я к этому отношусь. Это, извините, откровенное блядство, а я его не терплю и хочу, чтобы его не было в нашем доме. Папа, если она ещё раз это сделает, я её выгоню из дома. Мне так хотелось вчера вечером выгнать её из дома! Она в итоге только разрушает психику себе и мне.

— Ну... выгонять никого не спешу. Но если ты так себя чувствуешь по этому поводу, попробуй сначала поговорить с подружкой. А вообще я бы тебе посоветовал проще относиться к сексу!

— Фу, не хочу с тобой это обсуждать!

Когда все замолчали, она выкурила ещё одну сигарету и вошла. Она не стала говорить, что ночью осталась дома, потому что обвинение ей казалось нечестным. Если бы она не была такой, какая она есть, она бы никогда не встретила Сайку. Значит, всё не просто так, но она не стала об этом спорить, она просто молча прошла на кухню. Ей так никто ничего и не сказал.

*

любовь к Сайке

была похожа

на забывание опасности

которая нас окружает когда мы дышим

на состояние бездноты

тише которого только прикосновение к ней

на осознанный сон без движений

которые сковывают в зачатке

то что она вернула мне

*

Иногда казалось, что ничего не было. Они даже сами не знали, к чему именно относилось это «ничего». Их обеих день за днём погружало в спокойное и полусонное состояние. Почти счастливое, несмотря ни на что. «Несмотря ни на что» — это такое заклинание. Самое настоящее заклинание,

конструирующее инаковость в застывшем «никогда больше». Этот лес, в котором они спускают собаку, способен стать единственным. Этот лес приветлив и непохож на лес около её дома. Дело не в том, что в этом лесу ярче светит солнце, а, наверное, в том, что в нём ничего такого не встретишь. Для неё происходит переопределение пространства. Лес снова становится хорошим. Леса около её дома больше нет. Больше нет леса, где они ночью искали закладки. Леса, где за ними гнались бомжи, на лагерь которых они случайно наткнулись ночью. Леса, где по знакомой тропинке идти очень страшно, потому что, если ты идёшь за закладкой, ты всегда в опасности. И даже если ты просто выходишь погулять ночью, потому что тебе стало очень грустно, ты всё равно всегда в опасности. И даже если ты просто выходишь погулять днём, ты видишь чужие изоленты, раскопанные ямы, ментов с собаками, и ты в опасности, потому что в этом лесу ты всегда в опасности. И когда менты, которые ищут таких, как ты, бьют тебя за то, что ты ничего не сделала, ты тоже в опасности, потому что таким, как ты, в этом лесу нет места.

Здесь есть для тех, кто гуляет с детьми и собаками.

Здесь есть место для тех, кто бегают по утрам.

Здесь есть место для тех, кто счастливы вместе.

Здесь есть место для тех, кто любит шашлыки.

А для тебя нет — для тебя нет — для тебя нет

и хотя этот лес

хотя это царство новой совсем новой мифологии

новые божества твои божества тут живут

но они никого не любят

тот лес тот лес около её дома

но этот этот новый улыбающийся лес

этот лес был совсем не таким. он был добрым.

«Почему этот лес добр ко мне?» — подумала она.

Почему этот лес добр к ней? И ей невольно вспомнилась ровная кожа на голове отца её подруги. Глаза, которые её не осуждают. Голос, который говорит, что никогда не смог бы считать её ответственной ни за что плохое. Ни за что плохое.

Ни за что плохое. Ни за что плохое.

Ни за что плохое. Ни за что плохое.

Ни за что плохое. Ни за что плохое.

*

мы остались вдвоём

и раньше

оставались вдвоём в этой квартире

сегодня как будто

за дверью осталась только серость отмирающего пространства

мы падаем в этой квартире куда-то

а если держаться за руки

падаешь сильнее и стремительнее

но мы всё равно

когда-то кто-то кричал «я убью тебя сука»

но это неважно

звук раздавался со двора разносился по двору

а двора больше нет он весь теперь серый

только мы настоящие но как же это мерзко

как мерзко быть настоящей

и откуда-то из разреженного невыраженного ничто

появляется он

я не помнила кто он откуда и почему он пришёл

*но ты пришёл и принёс в себе что-то особенное что-то чего мне
и ей как будто давно не хватало что-то что ты удерживал как
мать которая удерживает penis-сосок но готов был раздавать
понемногу и по очереди сначала одной потом другой*

ты принёс нам что-то в своей похотливой улыбке

*ты принёс нам что-то в своей похотливой улыбке от чего
немножко сильнее хочется жить причём непонятно какого хрена
ведь ты тогда очень сильно напоминал гнома хотя был высоким
и не то чтобы маленьким напоминал гнома может быть потому
что казалось будто бы у тебя есть сокровище*

*было сразу понятно что у тебя очень-очень много женщин и что
ты хочешь трахнуть меня и её или нас вместе но ты говорил об
этом так мягко и уверенно что это казалось нормальным таким
нормальным что я тебе доверяла она тебе доверяла тебе было
можно доверять у тебя было сокровище*

ты предложил ей секс за деньги и она согласилась

когда вы были в спальне я чувствовала пустую гармонию оцепенения

должна ли я быть спокойна когда какое-то эхо

шепчет мне волноваться за неё и плохо думать о тебе?

должна ли я быть спокойна вчера сегодня бесконечно

должна ли я
а потом
ты предложил мне тоже секс за деньги
пять тысяч

я отказалась

десять тысяч

я отказалась

пятнадцать тысяч

нет я так не могу

двадцать тысяч

неужели ты готов заплатить такие большие деньги
только чтобы переспать со мной?
она на свои пять тысяч купила очень большую очень красивую книгу
которую мы любим перечитывать вместе

а сегодня мне снилось

как я пою кому-то такую песню

where I wake up is none of your business

where I find myself is none of your business

where I wake up is none of your business

where I find myself is none of your business

where I wake up is none of your business

where I find myself is none of your business

I resist *I run*

I resist

I run

I resist

I run

*

Собака закашлялась. «Что случилось с собакой?» — спросила Лиза. И ей ответили.

Ей ответили, что отец думает, будто собака сама поправится. Что отец очень странной любовью любит собаку. Что ещё отец, кажется, верит в гуманоидов и не верит в женское письмо. Отец не верит, что собака умирает.

А она только и могла думать о том, что если бы она была этой собакой, то умереть бы ей хотелось в чём-то голубом, и чтобы на камне обязательно был qr-код, и чтобы там был секрет.

*

Собака закашлялась. Ей было интересно, что чувствовала собака. Иногда что-то странное начинало оживать и в теле Лизы, начинавшееся где-то в области кашля и кончавшееся на горизонте тревоги. Она начала прислушиваться к себе, обнаруживая, что с переменной пространством и по мере того, как этот изолированный домик в деревне заслоняет собой всё остальное, тревога становится чем-то приятным и даже превращается в желание петь, непрерывное и очень странное желание петь.

*«Tous les garçons et les filles de mon âge
Se promènent dans la rue deux par deux»*

Домик — деревья — снег на траве — домик — деревья — *Tous les garçons et les filles* — собака больше не кашляет — *ce que c'est qu'être heureux — qu'être heureuse* — голос отца — голос чужого отца — сзади голос — это ты выпустила собаку?

Собака сбежала. Стыд — это

когда артикуляция равна тошноте, только жжёт сильнее,

когда артикуляция равна тошноте, только жжёт сильнее.

«Et les yeux dans les yeux

et la main dans la main»

Собака сбежала. Теперь его руки, глаза и голос не говорили ей — привет — ни за что плохое — ни за что плохое — они говорили тишину вины они обращались к ней так что было больно от их рассеянности — они были как разочарование на вкус, только пустые, и это казалось ещё хуже. В ней проснулся весь стыд перед ним, который был задолго-задолго-задолго до неё.

*

сначала я монотонно

заполняла пространство всем что не я

какие-то дела как хорошо что есть какие-то дела внутри становится пусто никакой тяжести внизу живота никакой вины за всё то что меня наполняет некогда думать о нём и о нём и о нём только удары клавиш задают отсутствие ритма кроме себя самих

самое спокойное в мире отсутствие
собирающееся в поток
я была равномерным потоком
выглянула в окно
и увидела мужа Сайки

мне показалось

или он действительно меня ждал

мне показалось

или я видела со спины и увидела как он стоял и шептал
«я убью тебя сука»

«я убью тебя сука»

пустота тогда становилась тяжелее и билась отчётливее
и очень пугало
что от этих ударов не было больно совсем

«я убью тебя сука»

тишина так необратимо быстро перетекает в шум
сплошное шипение бесконечный белый

я выглядываю в окно когда он исчез

потом сама исчезаю на выдохе

и совсем не заметила как она вернулась

я попыталась заговорить с ней

но что-то опять было не так

опять

она не двигалась и каждое её слово тянуло к земле
быстрее чем текли её мысли

опять

я подумала что мне это снилось вчера значит снится сегодня

я подумала не знаю что это
никогда такого не видела раньше

но на самом деле уже знала и могла понять вчера или позавчера
я могла

когда я смотрела на неё её нигде не было

только странное почти незаметное нечто смешалось с запахом
из аптеки

только странное почти незаметное отсутствие совсем
не такое как моё

у нас была странная очень странная неделя может быть она
забыла что я люблю её потому что за эту неделю всё что
угодно вместе с течением дней точнее ночей забывалось да да
надо быть точнее дней не было были только ночи а дни ничего
не значили и в то время я также ненавидела серо светлеющий
свет неба как я ненавижу засыпать ночью потому что до сих
пор боюсь темноты и ложусь только когда светло но в такие
недели в такие недели день не имеет смысла день не клеится
день распадается на части потому что если закончится ночь
закончится смысл наступит мир и задушит тебя и меня дорогая
дорогая на этой неделе мы только и делали что тусовались
ты этого хотела и я этого хотела но было ощущение что я
этого хотела немного больше чем ты потому что я так часто
не могу остановиться особенно если в этом нет смысла особенно
если нет дел я не могу остановиться потому что невозможно
отказать себе в том чтобы не быть а она она всегда говорит
мне да потому что ей тоже это нужно но потом что-то меня
остановило а она

она

поднялась с кресла хотела пройти за водой и упала
её что-то тянуло к земле тянуло к земле но ей было весело
она думала что я не замечаю
она не хотела чтобы я знала
что она что-то приняла без меня
что она каждый день без меня
что это что это запах аптеки что это неужели может быть хуже
неужели может с ней

посмотри на меня

посмотри меня

смотри

не надо

сначала она разбавила этой тёмно-коричневой пахнущей
травками жидкостью из аптеки остатки белого вина и я не
спросила зачем я не спросила зачем потому что мне было
страшно

потом она попыталась надеть плащ она хотела куда-то пойти
а я всё никак не могла понять имею ли право её останавливать
могу ли сказать ей что-то смогу ли ей запретить я только знала
что раньше с ней такого никогда не было раньше с ней такого
никогда не было

раньше с ней такого никогда не было

раньше с ней такого никогда не было что если это я сделала с ней
что если это я что-то в ней начала посадила семя запустила
чёрную птицу отперла клетку не смогла помочь не смогла
остановить что если это я сделала с ней что если это я сделала
с ней и имею ли я право это ей запретить

день схлопывается сжимается в точку превращается в цикл
моих бесконечных попыток помочь ей уснуть не пускать никуда
помочь ей уснуть

я отворачиваюсь

*когда поворачиваюсь она разбавляет водку
тёмно-коричневой жидкостью из аптеки*

я отворачиваюсь

она сидит всё в том же углу

я отворачиваюсь

она не отвечает

укрываю её одеялом прячу водку

отворачиваюсь

наконец уснула

а я понимаю что мне сегодня страшно ложиться спать

страшно ложиться спать и страшно сидеть у её кровати

звоню ему

потому что он всегда даёт мне то зачем я пришла

а ещё потому что всё это время

я глубоко-глубоко прятала странное тёплое возбуждение

когда я смотрела на неё

*думала если бы я была ей а он был рядом нам было бы хорошо он
смог бы дать мне то чего я хотела я смогла бы дать ему то чего
он хотел*

когда приезжаю

он говорит хочешь я дам тебе ещё дорожку

потому что он всегда давал мне но зачем я пришла

ещё дорожку

похожа ли я на неё

он говорит нет хочешь ещё дорожку

я не знаю как она там

что если что-то с ней а я здесь

как я могла уйти

возбуждение

я не могу о ней заботиться

под амфетамином звоню её отцу и прошу забрать её

под амфетамином говорю ему всю правду только не про меня

так я впервые услышала его голос

что-то в его голосе предвещало

что этот мучительный день только начинается

уже очень-очень давно

Собака закашлялась очень сильно. Собака не переставала кашлять и начала задыхаться. Она не сразу это заметила. Может быть, собаке стало хуже от её сигаретного дыма? Эта собака бьётся головой и лёгкими о женское ничто. Одной из них страшно, тогда и другой становится страшно. Лизе становится так страшно, что она понимает, нужно срочно что-то делать, собаку нужно срочно куда-то везти. Она бежит на веранду, роняет пепельницу, как-то царапает руку о ручку дверную, забегает в дом, в который она на самом деле не должна заходить после полуночи, пытаюсь поймать дыхание, и начинает говорить, останавливаясь у его кровати.

нужно что-то делать нужно что-то делать
собаке страшно нужно срочно что-то делать

Она смотрит сквозь него и постепенно до неё начинают доноситься подозрительные взгляды и тихое странное: «Лиза, Лиза», «Подожди меня там, Лиза, Лиза». В какой-то момент ей удаётся вернуться в реальность, как бы окончательно оказаться в этой комнате. И она понимает, что всё это время он сидел на своей кровати абсолютно голый.

он смотрит на неё как на идиотку

а она почему-то именно в этот момент чувствует себя женщиной

в каком-то особенном но единственном смысле

утраченная женщина утраченный объект

только так можно возникать мерцать ненадолго появляться

только в его глазах

утраченная женщина и голый отец

дорогая, любимая, я не буду, ты же знаешь,
post coitum animal triste est

дорогой, любимый, не надо, post coitum animal triste est

голый отец

голый отец

это так невыразимо важно и настолько бесконечно
незначительно что мы все мы исчезаем

*

Однажды ей захотелось наркотиков, а он не взял трубку. Она поняла, что уже давно не искала онлайн-тусовки с наркотиками. Не то чтобы ей казалось, будто она платит за это сексом, не то чтобы этот факт был ей неприятен. На самом деле обычно очень легко было просто поддерживать надежды обдолбанных мужчин и потом слинять, если настроения не появилось, а наркотики закончились. Просто ей больше не хотелось принимать наркотики ни с кем, кроме него. Её это почти не напугало, скорее показалось смешным и странным. Это была очень неожиданная форма любви, с которой она раньше не сталкивалась. Ей не хотелось обманывать его ожидания, как она раньше поступала с другими мужчинами, ей хотелось каждый раз платить сексом за наркотики только ему. И она даже вспомнила, как именно с ним впервые почувствовала стыд, когда у неё не было настроения на обещанный секс.

*

двадцать тысяч

двадцать тысяч

я иду с тобой в спальню

двадцать тысяч

двадцать тысяч

моя постель очень мягкая но тебе в ней не место

happy place

happy place

*колебания тяжести которая остаётся на одеялах и подушках
от человеческих тел*

надламывается внутри меня тошнотворным эффектом

без которого нет телесности нет меня

без которого нет happy place happy place happy place

я не понимаю почему тебе тоже не

трудно дышать

когда я отталкиваю тебя

а в твоих глазах

[her black hole shaped vagina

is pulling everything inside

dragging so I can hear it scream

and giving her nothing in return

her black hole

her everything across and within

there is nothing you need

and there is nothing more]

а потом а потом прятаться в кроличьей норе

где ты меня не достанешь

никогда никогда

дышать свежим воздухом трогать траву сухими веками

целовать больную собаку

и не оглядываться

никогда-никогда

чувствовать как он

заявляет о своём существовании слишком ровными
и шумными шагами
приближается сзади и кладёт свою руку на молочную шерсть
рядом с моей
гладит больную собаку задевая мои пальцы и у собаки
кашель проходит и мне больше не страшно

откуда-то приходит слово гармония:

animal post coitum triste est

omne animal post coitum triste est

omne animal post coitum triste est

praeter mulierem gallumque

*

На следующий день он пригласил их поужинать втроем. Сначала это был немного странный ужин в приятной обстановке. Странно было, что специально для этого ужина она придумала, что можно смешать в блендере манго, базилик и сливочный соус, а потом потушить во всём этом креветки, хотя обычно она не очень любила готовить. Странно было, что получилось вкусно, и странно было, что никто особо этого не заметил из-за того, насколько сильно все были увлечены разговором ещё до того, как принялись за готовку. Странно было, что, когда дочь отворачивалась, он специально прикасался всем телом к её подруге, проходя от плиты к раковине. Ещё лампочка мигала над стеклянным столом, и мерцающие тени от изгибов плетёных стульев появлялись и исчезали несколько сюрреалистично. А перед тем как сесть за стол, его не стали убирать как следует, потому что к тому моменту открывали уже вторую бутылку вина. И тихий отголосок неуместного желания петть на языке, которого не знал никто из присутствующих.

*«Tous les garçons et les filles de mon âge
Se promènent dans la rue deux par deux»*

— Женщина должна...

*«Tous les garçons et les filles de mon âge
Savent bien ce que c'est qu'être heureux»*

— Женщина должна...

*«Et les yeux dans les yeux
et la main dans la main»*

Потом стало странно из-за темы, на которую они заговорили. Он рассказывал о том, что, на его взгляд, должна женщина, а должна она была, конечно, всё тот же самый набор бессмысленных и беспощадных вещей — если интуитивно было примерно понятно, почему он не стесняется выговаривать всё это в глаза своей главной собеседницы того вечера, то в голове совершенно не укладывалось, почему, перечисляя это, он нисколько не заботится о чувствах своей дочери, которая, очевидно, выбрала иной путь.

Вообще-то очень быстро стало понятно, что Лизе очень важно об этом говорить именно с ним, а ему действительно хочется это слышать именно от неё. Это бывает такая очень странная игра, в которой два собеседника показывают друг другу, как сильно они на самом деле ненавидели бы любого другого человека, транслирующего подобные идеи, но только тот, с которым диалог ведётся сейчас, оказался особенным.

Для неё он сегодня попытается следить за словами.

Для него она сегодня будет снисходительно объяснять.

Для неё он будет делать вид, что не замечает ответных оскорблений.

Для него она будет делать вид, что эти оскорбления
были совсем не ответными, а просто приятной дерзостью.

Для кого-то третьего они будут делать вид,
что за этим диалогом нет ничего, кроме ненависти.

Каждый раз, когда она вспоминала, что hate-fuck —
это её любимый вид секса, она почти забывала о своей подруге.

Он будет называть её «Моя маленькая радикальная феминисточка».

[бесит и заводит]

[бесит и заводит]

[бесит и заводит]

«Моя маленькая радикальная феминисточка»

[воздух над тобой смеётся]

«Маленькая радикальная ты моя»

[здесь между строк проникает ложь, если вслушиваться в интонации]

[и если вино не кончится]

Она будет думать, что он ведёт себя, как придурок,
и что этот политический бред ей безумно неприятен,
но в сущности это ничего не изменит.

Её подруга замолчит до конца вечера, и только когда все будут
расходиться, она повернётся к Лизе и тихо прошепчет:

«Не спи, пожалуйста, с моим отцом»

«Не спи, пожалуйста, с моим отцом»

«Не спи, пожалуйста, с моим отцом»

*

раньше мне нравился твой большой член
пока ты не позвонил мне в ту ночь
когда Сайка сказала «давай»
мне казалось, что это неправильно
вы вместе в одной комнате
это неправильно
ты сказал тебе больше некуда идти
она пожалела тебя своими чёрными глазами феи
я не хотела говорить ей «нет»
ты приехал
всё это было неправильно
когда ты приехал
она была ещё в душе
мы сели и стали молча смотреть друг на друга
и почему-то только тогда
я впервые заметила, что у тебя, как и у мужа Сайки,
неприятно круглый живот
а когда твои бледные глаза улыбаются
в них остаётся лишь «ты должна ты должна ты должна»

«я не твоя добыча»

я не добыча я дочь твоего желания

иначе уходи и никогда не возвращайся

взглядом я говорила это очень отчётливо

но ты делал вид что не замечаешь

вернулась Сайка

ты притянул её к себе и положил свою руку выше её колена

твоя рука поднималась она улыбалась тебе и я должна быть рада что два самых близких мне человека тоже будут любить друг друга но мне было страшно потому что даже несмотря на то что твоя рука пыталась притянуть и меня мне казалось что мне там не было места

почему ей есть дело до этих мужчин?

я незаметно взяла её за руку

и увидела страх выступавший сквозь всё её тело

в момент прикосновения

*просто она
настоящая
женщина*

и только я вижу что ей больно

я вижу что она не хочет подчиняться тебе и в этот момент вся моя любовь к тебе превращается в необходимость кроме которой ничего не важно необходимость остановить тебя любой ценой не отдавать тебе мою Сайку навредить оттолкнуть или исчезнуть на этот раз исчезнуть по-настоящему

*больше нет ничего есть только враг есть только ты и в тебя
направлены звуки моей истерики моей атаки уходи враг уходи
и больше никогда не возвращайся ты уже отобрал у меня себя я не
отдам тебе её она не хочет я не отдам тебе её*

*и мне впервые в жизни было наплевать,
что ты можешь больше никогда не вернуться*

даже на наркотики было плевать впервые за долгое время

а потом я смотрела на неё и думала:

*даже если я готова отдать ей последнее что во мне
осталось хорошего знаю ли я о чём думаю на самом деле*

даже после всего что произошло

*она наполняла комнату своим спокойствием и смотрела на неё
чем-то прозрачно уединённо гармонирующим с жизнью*

*которая из-за меня наливалась совершенно другими
невыносимыми для её света красками*

я почувствовала опасность

будто моё присутствие могло что-то сделать с ней

несмотря на тёмное пятно её мужа на жизни этой комнаты

для него она была как стоящая столбом метель

она неспособна была подпустить его к чему-то

к чему с самого начала подпустила меня

к чему мне нельзя была прикасаться

*что заставляло чувствовать надежду которая на самом деле
была стыдом*

*(желание умереть — это всегда желание умереть от стыда,
и по-другому не бывает)*

и что-то вокруг неё говорило мне «пожалуйста, уходи»

даже если внутри неё это звучало почти как «я люблю тебя»

*

Они опять остались ночевать вместе на чердаке. Подруга уже спала, а Лиза нервно пересчитывала возникших под лунным светом чердачных пауков на бревенчатых стенах. Пришло сообщение от фейка:

«Здравствуй, моя маленькая радикальная феминисточка!
Как делишки, не спишь ещё?»

Всё её сознание наполнилось мелькающей сценой диалога
за ужином, она ответила:

«Ахахах лол ещё не сплю»

Он спросил

«Чё не спишь?»

Она ответила:

«Не хочу»

Тогда он написал:

«Может быть, не спишь, потому что меня хочешь?»

Её сердце забилось так сильно, будто хотело раздавить её изнутри. Может быть, это просто совпадение, и ей пишет кто-то другой, какой-то придурок. Она вышла на веранду, чтобы

посмотреть, горит ли свет в комнате отца. Обычно в это время он уже спал, свет горел везде. Значит, это мог бы быть он.

Она спросила:

«Не могли бы вы уточнить, с кем я разговариваю?»

Он ответил:

«Порядочный, нежный, чуткий, глубокий и т. д.
Провидение привело меня к тебе».

Ответ показался ей довольно криповым, но она продолжила переписку, так как всё ещё оставался шанс, что ей пишет он:

«Кто это?»

«А ты кого-то конкретное ожидаешь?»

«Вот не ждала, честно говоря...»

«Я когда может девицу такую красивую вижу,
начинаю дурака немного валять

от волнения

опять же

и трепета

хотя так сказал, будто бы не впервой делаю это

а на самом деле, впервые опыт подобный познаю

ты главное не бойся меня»

«Мне спать пора, поэтому я, к сожалению, вынуждена вас оставить и желаю вам в будущем не вести себя так странно со случайными девушками из интернета»

«Кто сказал, что ты случайная? Ночи тогда»

Свет всё ещё горел. Она хотела спуститься и постучаться к нему, но не решилась. Утром она тоже долго боялась спускаться. А когда вошла на кухню, услышала, как отец ругает подругу за то, что та забыла выключить свет, и свет горел всю ночь, пока его не было.

Интересно, где он провёл эту ночь? Что он видит в той женщине, с которой он провёл эту ночь? Значит ли это, что ей писал кто-то другой?

В следующий раз, когда он ушёл к этой женщине и не вернулся ночью, ей опять написали: «Что, не надумала пасть к ногам моим?» Это, наверное, даже сложно назвать совпадением, но это событие было необходимо ей в качестве совпадения, поэтому она ответила. Она сидела в кресле на кухне, читала всё равно какие книги и ждала, пока он вернётся, и отвечала пугающему незнакомцу, чувствуя стыд за то, что продолжает ему отвечать. Она говорила подруге, что ей просто больше нравится работать на кухне, но на самом деле она приходила на кухню днём, чтобы ждать его, чтобы знать, когда он вернётся и останется ли он на ночь дома. Каждый раз, почему-то именно тогда, когда он уходил на ночь, после полуночи ей начинал писать всё более и более мерзкие вещи этот фейк, которого она не могла заставить себя заблокировать. Когда она уехала, сообщения прекратились.

*

Звонит муж Сайки

Звонит муж Сайки

Звонит муж Сайки

что-то нехорошее происходит в это время

теперь

я беру трубку

у меня в ушах

скользящей улиточкой свернулся не его голос а

искажённое безграничностью желание к ней

и я говорю «ок»

*он говорит белый шум за спиной кто-то хочет меня схватить
но никого в квартире*

я говорю «ок» всё что хочешь «ок» только прекратите это

я не верю ему но

он говорит что скучает и я не верю ему но

он говорит а во мне больше нет орудий сопротивления

*я вся что была по полу рассыпалась и не хочу собирать
а больше некому*

Звонит муж Сайки

Звонит муж Сайки

Звонит муж Сайки

я беру трубку потому что такое сегодня время моего опыта

и он везёт меня обратно в ту квартиру

где почему-то в тот день

нет Сайки

нет Сайки

«мне не всё равно»

«мне не всё равно»

с кухни выходит мужчина

«мне не всё равно»

«мне не всё равно»

у него в руках красивый поднос

«мне не всё равно»

«мне не всё равно»

на подносе лежит красивый мефедрон

мужчина подходит

неприлично близко

протягивая поднос

невыносимо двусмысленно

мне не всё равно

мне не всё равно

мне не всё равно

потому что

Существует такая грань насилия

когда вопросом «было это насилие или нет?»

ты уже не можешь задаваться серьёзно.

*Иногда даже кажется странным насколько ситуация могла
мало отличаться от других
но чувствовалась иначе насколько беспомощность в этой
ситуации поглощала всё человеческое насколько сильным криком
ты становишься при каждой мысли насколько не существует
языков на которых об этом шепчут верхушки деревьев которые
на ветру покачивались над нами насколько было темно будто
в городе позади нас пропало электричество насколько хочется
делать вид что этого не было будто самое главное не проронить
ни слова потому что сказанное вслух убивает нечто необходимое
втайне*

но самое страшное

это когда возникает мысль «зачем мне тогда быть хорошей?»

самое страшное

это когда на секунду действительно забываешь нечто

не позволяющее тебе существовать по ту сторону насилия

оказаться там как он

там как рыба в воде

было бы неправильно

потому что отсюда мне кажется

*что по ту сторону нет ни смысла ни мира ни равновесия тела
с пространством или*

там наверное смерть себя чувствует хорошо и улыбается

поэтому

дальше так продолжаться не может

я вырываюсь и кричу

«я люблю Сайку»

«я люблю Сайку»

«каждый раз когда ты уезжаешь»

«я люблю Сайку»

теперь он знает где я живу и кого я люблю

«я убью тебя, сука»

«я убью тебя, сука»

«я убью тебя, сука»

*и бегство, которое видели все
жители раннего утра
а потом забывали
чтобы случайно меня не выдать*

*ветер этого бега казался странным
потом я заметила
это у меня пропала кожа
и мне пришлось всё-всё вспоминать*

*я вспомнила что умер дедушка
и поняла наконец, что дедушка был ошибкой природы*

*он весь целиком состоял из добра и справедливости
и если бы все коммунисты были такими же как он
у жизни была бы хорошая причина
но дедушка был ошибкой природы
может быть
я никогда больше не встречу такого человека
потому что кроме него в мире никого не было
а раньше я злилась на его речь отвергающую частицы реальности
без которых я бы почувствовала себя слепой
а он навсегда остался самой чудесной ошибкой природы*

*дедушка не знал
как мы на самом деле были похожи
и я навсегда осталась ошибкой природы
но теперь
на месте случайно здесь затерявшейся любви
тёмная сторона моей вагины
просыпается*

*

Они пришли на кухню, чтобы позавтракать. Он делал вид, будто не замечает их или равнодушен к ним. Это очень сильно беспокоило Лизу, а подруга замечала её беспокойство и чувствовала себя очень странно, потому что понимала его значение. Он всё это знал и, наверное, начинал чувствовать что-то вроде вины за нечто очень неопределённое. Потом он резко направился в сторону ванной, включив самый сильный напор воды, чтобы шум воды доносился до кухни.

Шум воды только напоминал о том, что между всеми ними живёт неловкость, которую лучше было не обсуждать, пока они готовили завтрак, не слушая ничего, кроме него. Вместе с завтраком шум закончился, а когда Лиза подалась к подруге всем телом, чтобы предложить ей вернуться на чердак, ей пришлось сделать вид, что это её тело так странно двигается иногда, потому что он вышел из душа в коротком синем

полотенце. Впервые в жизни подобный жест её действительно впечатлил. Словосочетание «тело инструктора по йоге» значило для неё теперь что-то приятное в очень конкретном смысле. Он делал вид, что что-то искал, хотя, скорее всего, на самом деле просто хотел убедиться в чём-то. Он сделал вид, что что-то нашёл, и как-то очень неуместно после шума воды прозвучало: «Мы обязательно должны все вместе заняться йогой». И у всех это вызывало самые лишние, неправдоподобные и неуместные чувства. В конце все разошлись в разные стороны, пытаясь их скрыть.

*

двадцать тысяч

двадцать тысяч

я иду с тобой в спальню

двадцать тысяч

двадцать тысяч

моя постель очень мягкая но тебе в ней не место

«моя постель очень мягкая но тебе в ней не место сука»

happу place

happу place

колебания тяжести

колебаний

когда я стала так бесконечно зла на тебя что ты упал

и я увидела тебя там

не знаю почему но я почувствовала что-то похожее

когда наша её

увидела как она лежит на полу

опять на полу почему она всё время лежит на полу

и не двигается

по полу размазано немножко крови с твоей руки ты конечно не умрёшь от этого точно но о смерти всё равно немного напоминаешь это наверное не к добру — когда один живой человек другому напоминает о смерти — это, наверное, не должно быть так знаешь поднимать тебя каждый раз становится тяжелее в смысле чувства вины и странного влечения которое никуда не исчезло а просто осталось подавленным где-то там а теперь шевелится внутри меня как распустившийся вдоль моих органов тревожный червь оплетающий пульсирующий тяжело дышащий потому что трудно дышать внутри меня мешающий мне двинуться с места хотя я здесь я пришла я пришла сказать тебе что всё хорошо что я люблю тебя а может быть я пришла чтобы ты сказала мне потом что тоже меня любишь ведь нужно же чтобы кто-то это иногда говорил

а ещё я пришла сказать тебе что я приготовила ужин

а твой отец скоро вернётся

но кажется поздно пришла

тут никогда не угадаешь

либо слишком поздно либо сейчас не время

ты долго и тихо обещаешь мне что не было никаких таблеток

только водка

я молчу я говорю всё будет хорошо и молчу
но на самом деле мне просто необходимо
мне очень очень хочется у тебя спросить:

«если у меня нет меня, а ещё у меня нет тебя,
то что же тогда у нас есть?»

а ты отвечаешь тишине «не говори ему» «не говори ему»
«только не говори ему»

а когда он возвращается я про себя повторяю

«не говори ему» «не говори ему» «только не говори ему»

ему нравится ужин

мне нравится что ему нравится ужин и стыдно
что я сейчас могу это подумать

он спрашивает о тебе

он спрашивает о тебе

он спрашивает о тебе

он спрашивает о тебе

он спрашивает о тебе только о тебе

он снова спрашивает о тебе и мне становится так холодно
что комната бледнеет вместе со мной а тревожный червь
проклёвывается сквозь моё прозрачное тело

как часто с вами такое бывает, что вы реально не можете
понять, это вас трясёт или это всё пространство трясётся,
пронизывая вас насквозь, подхватывая и раскалывая вас на
обрывки своих колебаний? ну кроме оргазма.

мне даже не приходится ничего говорить

я не рассказывала ему

*я просто молча пошла за ним поднялась по лестнице на чердак
и остановилась у окна*

я смотрела через окно как он подходит к твоей кровати, садится на колени, кладёт руку на твою щёку целует лоб разговаривает так чтобы ты не совсем проснулась но чтобы он понял нужно ли тебя будить задерживается на какое-то время время самого любящего существа на планете время прощения время отойти от окна и бежать обратно в дом время попытаться забыть о том что я там увидела потому что если продолжу думать что такое возможно просто стану невозможна сама время время сколько нужно времени чтобы вернулось зрение чтобы вернулось чувство комнаты чтобы вернулся лай собаки кашель собаки и почему-то после всей херни которая произошла именно теперь мне кажется что у меня отобрали время которое на самом деле совсем не так называется

он возвращается

смотрит самыми любящими самыми грустными глазами мира

в ней просыпается очень неуместная ревность

тогда он говорит

«ты должна рассказать мне всё»

*«ты должна рассказать мне всё чем вы там занимались
я должен знать»*

а она знает что такое никому никогда нельзя рассказывать

тогда он говорит

«не бойся ты можешь мне всё рассказать»

а она знает что такое никому никогда нельзя рассказывать
но почему-то сейчас когда он спрашивает все эти правила
абсолютно утратили смысл

«не бойся ты можешь мне всё рассказать»

В этом есть что-то гипнотическое когда он повторяет что-то
тёплое и гипнотическое и он это знает лучше чем она знает что
такое никому никогда нельзя рассказывать он знает лучше он
знает что она расскажет

в какой-то момент

у неё не остаётся никаких сомнений в том что никому
кроме него такое нельзя рассказывать

и она рассказывает ему всё это

он слушает очень внимательно

потом очень долго всматривается в неё и ждёт

и когда понимает, что она рассказала ему всё

встаёт и уходит

не потому что он осуждает её

не потому что это его удивляет или задевает его чувства

а потому что он узнал от неё всё, что хотел узнать

и больше ему нет смысла на неё смотреть

теперь есть другие дела

*

*моё тело не могло держаться ни на чём кроме тишины
и я поняла*

*было что-то слишком живое
сегодня оно преодолело само себя и оказалось
ничего страшного не произошло
будто бы я дошла*

*до края света тёмной стороны своей вагины
и не прыгнула
и она всё ещё любит меня*

*

Она поняла, что, пока не поздно, лучше бы ей собрать вещи и уехать куда-нибудь в другое место. Только не понимала пока, куда именно нужно уехать, чтобы это было достаточно далеко. В голове у неё крутились пришедшие из каких-то книг, которые она уже успела забыть, слова, значение которых она не знала, но хорошо помнила, как они звучали, когда кто-то пытался зачитать строку на латыни: «*Omne animal post coitum triste est praeter mulierem gallumque*».

Секс на мусоре

Вквартире моего детства сейчас находится сексмагазин. Страна моего детства превратилась в мировой мусор. Мама умерла, и вот уже 5 месяцев я не звоню в Россию каждую неделю, с родственниками и друзьями мы общаемся очень редко, и никто — от туда — больше не спрашивает меня: когда приедешь. Потому что никогда.

Несколько лет назад я приезжала в Петрозаводск и заходила в этот магазин — мне даже разрешили пофотографировать. И я фотографировала нашу большую комнату, так мы называли гостиную, и нашу детскую и нашу кухню, заполненные пластиковыми пенисами и вагинами; в спальне родителей был, видимо, склад или кабинет — я не смогла её сфотографировать, дверь была плотно закрыта, как крышка гроба.

Я пишу послесловие к книге Алисы Ройдман, и мне кажется, я пишу эти слова на чём-то прозрачном и временном — я уже не пишу в будущее, как писала все свои тексты — до войны, до полномасштабного вторжения России в Украину 24 февраля 2022 года,— потому что будущее для русскоязычной поэзии исчезло, я его больше не чувствую и не вижу. В прошлой жизни я номинировала Алису Ройдман на Премию Драгомощенко, это было время, казавшееся катастрофическим — пандемия,— и хотя оно таким и было, катастрофическим, мы ещё не знали, какая большая, страшнейшая катастрофа ждёт нас. Я читаю тексты, написанные до войны и прочитанные тогда, до войны, я читаю их сейчас другими глазами. И сами тексты изменились, потому что они могут жить только когда их читаешь. Тогда, в 2021 году, стихи Алисы Ройдман казались мне написанными о свободе и сексуальности, сейчас те же тесты я вижу как стихи о катастрофе и сексуальности-освобождении, или сексуальности как освобождённом от границ времени пространстве, в котором смыслы пластичны. И ассоциация, которая рождается в моём воображении, когда я читаю эти тексты сейчас,— *Infinity Mirrored Room*, комната бесконечности зеркал, Яёй Кусамы: большинство этих текстов я читала

до войны — в другое время — другая я их читала — и это были другие тексты — я читала их по-другому, я видела в них другое, я видела другое, когда читала их другая в другом времени — а сейчас я вижу в них только сейчас и себя другую сейчас — как будто эти тексты были написаны тогда для сейчас — написаны для того, чтобы я их прочитала сейчас, чтобы вы их прочитали сейчас — я пишу это и вижу зеркала и отражения зеркал в маленькой комнате в королевской галерее Торонто — зеркальной комнате бесконечности.

Когда в прошлой жизни я читала: «Ты так и не кончил, сука, это заставило меня сомневаться в себе. Я не могу довести мужчину до оргазма, какого хрена? Первый тоже не кончил» в стихотворении Алисы Ройдман «Почему насильники со мной не кончают?», я читала стихотворение о сексуальности, сейчас же, когда я читаю те же самые слова, я читаю их как стихотворение о России и её мужчинах-насильниках-импотентах, развязавших войну, убивающих людей, проигрывающих свои кровавые боины, не кончающих свои бандитские мятежи. Когда я читаю сейчас: «никто не знает что в моё сердце тычется / будто тупым концом / может быть это камень в ботинке», я вижу дорогу, беженство, изгнание, одиночество, неопределённость, потери связей и смыслов, в 2021 году я цитировала эти слова без третьей строчки, о ботинке, потому что — может быть — мне не хотелось касаться земли, хотелось высокого, я писала в сопроводительном письме: «Не говорить о любви невозможно, поэзия стремится из неопределённого в неизвестное», а теперь многие, многие дорогие мне люди вынуждены идти в неизвестное, и камень в ботинке стал самым настоящим камнем.

Я пишу это на русском языке... На невыносимом русском языке, который, как бы далеко я ни находилась от России, и независимо от того, увижу я её когда-нибудь или нет, — навсегда всё равно останется моим родным языком. Как я могу сейчас писать о поэзии? Писать — это всё, ради чего я живу. Я живу, чтобы писать. Даже когда я ничего не пишу, я живу, чтобы писать, даже если я ничего не напишу. Когда я смотрю на полную луну — смотрела вчера, я сказала ей: пожалуйста, пусть я напишу.

Алиса Ройдман тоже — живёт — чтобы писать.

Образ, который и тогда, в 2021-м, и сейчас восхищает меня больше всего в её поэзии — торжество секса на мусоре. Тогда мне

казалось, что это о поэзии — сексуальный партнёр должен заткнуться, стать ничем, только тогда секс будет возможен,— или вообще о автоматическом письме. Из стихотворения «Почему насильники со мной не кончают?»: «Единственная вещь, которую я по градусу проблемности могу сравнить с еблей,— это автоматическое письмо». А сейчас я вижу это как образ надежды. Свободная любовь на обломках самовластия. Секс на руинах преступного путинского режима. Светлое будущее.

мы занимались сексом в куче мусора и это был самый лучший секс в моей жизни

Лида Юсупова

Содержание

ЧАСТЬ I

Квир народный	5
Каннибализм первых слов	14
Стыдно сказать	20
«Почему насильники со мной не кончают?»	24
Органы женскости	41
Метору и память	44

ЧАСТЬ II

Why such a pretty girl cries during sex?	51
Секс на мусоре. <i>Послесловие Лиды Юсуповой</i>	99